

ПОСТАНОВКА ВОПРОСА О МАТЕРИИ

В. И. Кириченкова, М. Ф. Литвинов

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 2 июля 2025 г.

Аннотация: целью данного предварительного разыскания является метаонтологическое прояснение того, как возможна постановка вопроса о материи. В статье демонстрируется, что пространство этого вопроса не может быть захвачено какой-либо разновидностью материализма, поскольку материализм оформляется только в борьбе со спиритуализмом, антиреализмом и обскурантизмом, следуя в этом смысле за тем или иным сложившимся статусом-кво в отношении материального. С опорой на историко-философский и компаративистский анализ проясняется концептуальное содержание термина «материя». Выясняется связь этого концептуального содержания с внешней реальностью и объектностью в целом.

Ключевые слова: материя, материализм, идеализм, имматериализм, спиритуализм, реализм, обскурантизм.

Abstract: the aim of this initial study is to provide a meta-ontological clarification of how the question of matter can be posed. The authors argue that the complexity of this issue cannot be fully understood through a materialistic approach, as materialism only emerges in opposition to spiritualism, anti-realism, and obscurantism. In this sense, materialism follows one or another established status quo regarding the material world. The conceptual meaning of the term «matter» is clarified, based on historical, philosophical, and comparative analysis. The connection between this conceptual content and external reality, as well as objectivity in general, is revealed.

Key words: matter; materialism, idealism, immaterialism, spiritualism, realism, obscurantism.

Что значит поставить вопрос о материи? Часто философские штудии, вместо того чтобы вносить ясность, лишь усугубляют проблему «данности» материи, загоняя мысль в беспросветную тавтологию и по-дурному бесконечную рекурсию. Проблематичным представляется не столько изначальный, «основной вопрос», сколько тот, что стоит на порядок выше, – что по-философски значит поставить вопрос о самой постановке вопроса о материи? Сложность этой одновременно онтологической и трансцендентальной ситуации сама по себе комплексна и заключается прежде всего в том, что мысль с необходимостью должна удерживаться сразу на двух этих уровнях прояснения того, что в рамках философского дискурса принято называть материей.

Подступиться к прояснению понятия материи непросто, и главная трудность связана с необходимостью произвести историко-философскую реконструкцию представлений о материи, начиная с Античности и заканчивая современностью. Во-первых, вопрос о материи должен звучать следующим образом: как с развитием времени различные философы и ученые

рассматривали материю и в связи с чем проблематизировали ее? Во-вторых, продвижение в познании требует, чтобы были прояснены условия, лежащие в основе самой постановки вопроса о материи. Это требование является метаонтологическим. Здесь уже важен не столько определенный ответ, сколько сам вопрос. Речь, таким образом, идет о смещении акцента с догматического «Что такое материя?» на критическо-прагматический «Зачем и исходя из чего мы ее потревожили?». Очевидно, оба уровня взаимосвязаны и, хотя бы минимально, один заявляет о себе в другом. Соответственно, линейность, последовательность и скрупулезность историко-философского анализа необходимы здесь только для того, чтобы не отойти от этой взаимосвязанности.

Другая трудность связана с одноким отождествлением материализма с марксизмом. Даже в настоящее время всё ещё опасно заявлять о невозможности редуцировать материализм к марксизму-ленинизму, поскольку подобная декламация вызывает критику сторонников ортодоксального «диамата». Однако можно выделить как минимум два обстоятельства,

указывающие на несовпадение материализма и марксизма. Во-первых, сегодня ставшее классическим и претендующее на статус аксиомы определение материи, данное В. И. Лениным, потеряло всю свою истинную убедительность. «Материя есть философская категория для обозначения объективной реальности, которая дана человеку в ощущениях его, которая копируется, фотографируется, отображается нашими ощущениями, существуя независимо от них» [1, с. 131]. Проблемность данной формулировки заключается в том, что пресловутой объективной реальности так называемая материя в качестве удваивающей ее категории в принципе не нужна. Отсюда проистекает, например, разрыв между материализмом и реализмом. Во-вторых, материализм, который сегодня не просто вновь популярен, но заявляет о себе как о единственном направлении мысли, соответствующем научной установке (точка зрения Грэма Хармана – исключение из этого правила), вовсе неоднороден. Помимо материализма Маркса и Энгельса материалистическая интенция отчетливо прослеживается в мысли Жижека, Бадью, Мейясу, Джонстона, Милбанка и Регева, Анри. Можно проследить существенные различия во взглядах на материализм у Латура, Брассье, Ларюэля, Брайанта, Хеглунда. Кроме того, стоит отметить общий поворот к материальному в социальных науках, а также указать на преимущественную приверженность материализму некоторых представителей аналитической философии.

Такое большое количество современных течений, называющих себя материализмами, вызывает ряд резонных вопросов. Обоснованы ли эти притязания или все они составляют лишь часть складывающейся модной тенденции? Брайант, вынужденный картографировать указанные направления, с первых страниц своей книги «Онто-картография» замечает: «Оказавшись в среде континентальных критических, социальных и политических теоретиков, мы снова и снова слышим, что их позиции “материалистические”, но только для того, чтобы увидеть, как материальность материи появляется и исчезает в их анализах» [2, р. 1]. Более того, Брайант оказывается куда более радикальным, когда объявляет материалистов главной угрозой материализму. Ветушинский фиксирует в связи с этим еще более внушительную проблему: «Значение и роль материализма сегодня настолько велики, что вполне может показаться, будто единственным достойным оппонентом материализма сегодня является лишь какой-то другой материализм» [3, с. 9]. Так, тоскующий по Единому Бадью противопоставляет свою программу материалистической диалектики постмодернизму, трактуемому как демократический материализм. Всё это говорит о том, что материализм сегодня не существует в качестве це-

лостной доктрины, он многолик. Попробуем с точки зрения генеалогии подойти к сущностной для материи плюральности.

Концепт материи задействован уже у Платона и Аристотеля. Значит, если, с одной стороны, концепт материи может играть в идеализме важную роль, то, с другой стороны, вовсе необязательно, чтобы материализм в действительности отсылал к самой материи, а материя – к материализму. Любая версия материализма в итоге всегда недостаточно материалистична. Латур по этому поводу замечает следующее: «Материализм в тот короткий период, когда его могли использовать в качестве прекращающей любую дискуссию фигуры речи, неявно подразумевал, как выясняется сейчас в ретроспективе, довольно-таки идеалистическое определение материи и ее функций» [4, с. 266]. Именно поэтому Брассье считает, что выйти к материи можно лишь оставив материализм позади, о чем и говорит название его диссертации – «Теория чужого. Отрицание материализма во имя материи».

Сегодня мы всё еще не можем отделаться от духа ортодоксального марксизма, преследующего нас и навязывающего свою коннотацию истории философии, которая в этом отношении есть не что иное, как поступательная борьба материализма и идеализма. Так, марксизм навязывает представление, будто материализм не просто доминирующее течение современности, но что он был всегда: советские энциклопедии хранят заметки об античных стихийных и атомистических материалистах, о механическом материализме эпохи Модерна и победившем диалектическом материализме. Было бы ошибкой бездоказательно называть такие воззрения ложными. Однако их истинность проблематична: она выносит вердикт самому марксизму с его претензией монополистически распоряжаться правом на материю. Более того, для того чтобы подобный взгляд мог претендовать на истинность, должен быть принят ряд посылок. Во-первых, что история материализма не дискретна. Во-вторых, что она есть кумулятивное движение к выработке наиболее совершенной версии материализма.

Указанные выше посылки едва ли можно признать истинными, поскольку к каждой из них можно подобрать контраргумент. Необходимо сперва задаться вопросом: не совершаем ли мы грубую ошибку, когда приписываем имя «материализм» концепциям ранних периодов философской мысли, отдавая отчет в том, что само это слово, как и артикулированная философская позиция, появляются лишь в начале XVIII в.? Возможно ли использовать предикат «материалист» применительно к описанию таких мыслителей, как Фалес, Демокрит или Эпикур, зная, что они никогда

не пользовались концептом материи? Более того, если материализм всегда боролся с идеализмом, то почему эта борьба в явной форме выразилась лишь в XIX в.? На уже заданные вопросы накладываются еще и другие: как исследователям внятно трактовать борьбу материализма и идеализма, если первый уже вступает в эту схватку или же выходит из нее внутренне расколотым, противоречиво связанным родственными узами с идеализмом? Какой из материализмов можно признать самым материалистическим? Марксистский взгляд на материализм в этом смысле оказывается односторонним, скорее маскирующим все эти проблемные места теории материи. Поэтому адекватнее исходить из той посылки, что никакой извечной борьбы материализма с идеализмом не существует, что материализм и идеализм не столь уж антагонистичны, поскольку сам концепт материи постепенно вызревает в рамках спекулятивного дискурса.

История философии несводима полностью к борьбе материализма с идеализмом. Отметим, что впервые термин «материализм», как и термин «идеализм», был использован Лейбницем. К первому течению он относил всех, разделяющих положение, что душа материальна, т. е. последователей позиции Эпикура и Гоббса. Суть второго направления мысли он сводил к платонизму. Однако самым важным в этом различии является указание на то, что и материализм, и идеализм – грубые схемы мышления, а адекватный посредник между ними – принцип предустановленной гармонии. Таким образом, материализм как нечто концептуализированное возникает чисто инструментально – он необходим Лейбницу, чтобы сформулировать свою собственную позицию. Но тем самым Лейбниц, хотел ли он того или нет, предоставляет условие для того, чтобы материализм, исходно заявляющий о себе *ad hoc*, состоялся уже содержательно в полемике со спиритуализмом, которым стали обозначать лейбницианскую монадологию. Именно в этой точке размежевания с тезисом о хорошо обоснованной феноменальности материи впервые появляется содержательно исполненный материализм, в дальнейшем на тех же антиспиритуалистических основаниях упрочивающий свои позиции в борьбе с субъективным идеализмом Беркли.

Первым философом постлейбницианского толка, кто одновременно разделял материалистический тезис и открыто называл себя материалистом, был Ламетри. В своем *magnum opus* он писал: «Все философские системы, рассматривающие человеческую душу, могут быть сведены к двум основным: первая, более древнего происхождения, есть система материализма, вторая – система спиритуализма» [5, с. 177]. К древним материалистам он причислял Эпикура,

давая ход представлению, согласно которому материализм контрабандой проносится в Античность. Немаловажно отметить, что Ламетри и был тем человеком, кто впервые назвал Лейбница спиритуалистом, противопоставив ему и его последователям свою философскую систему: «Последователи Лейбница со своими монадами выдвинули непостижимую гипотезу. Они скорее одухотворили материю, чем материализовали душу» [там же]. В этой цитате и заключается суть борьбы домарковского материализма со спиритуализмом.

Еще более позитивную материалистическую программу предложил Гольбах, чье произведение «Система природы» вошло в историю как «Библия материализма». Он также заявляет свою антиспиритуалистическую направленность: «Мыслители явно злоупотребляли столь часто проводившимся различием между физическим человеком и человеком духовным. Человек есть чисто физическое существо» [6, с. 60]. Однако ключевой точкой его материалистической аргументации является указание на тот факт, что даже античные идеалисты вроде Платона и Аристотеля никогда не говорили о душе как о чем-то нематериальном. Он подчеркивает, что даже «первые учителя христианства считали душу материальной: Тертуллиан, Арнобий, Климент Александрийский, Ориген, Юстин, Ириней и т. д. говорили о ней как о телесной субстанции» [там же, с. 136].

Антиспиритуалистическую тенденцию в развитии материалистической мысли подхватывает прошедший гегелевскую школу Фейербах. Характерно, что для него идеализм не противопоставляется материализму однозначно: «нет ничего более неправильного, чем выводить немецкий материализм из “Системы природы” или даже из трюфельного паштета Ламетри» [7, с. 323]. Это ироничное и прозорливое замечание Фейербаха означает попытку связать немецкую материалистическую мысль, с которой он сближался и которую он в определенной мере представлял, с религиозным и идеалистическим содержанием немецкой культуры. В этом смысле «абсолютный материализм» для Фейербаха невозможен. И феьербаховский проект философии будущего, идеалистически ориентированной вперед к еще несуществующему, тому свидетельство.

Только через эту спайку со спиритуализмом идеализм, опознаваемый как субъективный, становится оппонентом материализму. В рамках интересующей нас историко-философской реконструкции это обстоятельство означает необходимость прояснить, что нового для вопроса о материи вносит та трансформация идеализма, которой обязана своим возникновением гегелевская система, являющаяся, с одной стороны, обновленным со времен Платона эталоном

идеалистического мышления, а с другой – отправной точкой для становления материализма марксистов. Для этого обратимся к специфике берклианского идеализма.

Идеализм берклианского толка определен локковским понятием идеи: «я употреблял его для выражения того... чем может быть занята душа во время мышления» [8, с. 95]. Другими словами, с этим термином Локк связывает самое широкое и самое разнообразное содержание. Идея – эквивалент отдельного ощущения, цельного восприятия объекта, частичного воспоминания или фантазии, всего целокупного объекта. Такое сенсуалистическое прояснение опыта, имеющего отношение как к интериорному, так и к экстериорному, становится одним из условий для перехода от онтологии объекта к онтологии субъекта, привилегированность, а потом и гипертрофированная раздутость которого инициируют спор о реальном. Ключевую роль в этом переходе сыграл кантовский трансцендентализм, переработавший сенсуалистическую установку. Опровергая идеализм, Кант различает два его типа: проблематический (декартовский) и догматический (берклианский). Несмотря на большую благосклонность к проблематическому, он признает оба направления ошибочными, противопоставляя им свою версию идеализма – трансцендентальную. На какое-то время трансценденталистская мысль обезоруживает материалистическую, абсорбируя последнюю, как это получается у Ланге [9], или же переплавляя ее в научный идеализм, как это получается у Когена [10]. И единственное, что оказывается возможным противопоставить трансценденталистски укрепившему свои позиции идеализму, – это реалистическая тенденция, без которой невозможно себе представить последующие эмпириокритицизм, философию жизни, прагматизм, неопозитивизм, аналитическую философию, структурализм, спекулятивный реализм. Материалистическая теория, к концу XIX столетия оформляющаяся в марксизм, непревзойденный и поныне, реализуется также с ориентацией на реализм. И если Гегель, являя своей философской системой абсолютный предел философии субъекта, критикуя Канта за субъективизм, диалектически сочленяет идеализм и реализм, то Маркс с Энгельсом, в свою очередь, преодолевая гегельянство чисто по-гегелевски, соединяют материализм и реализм, играя на всевозможных несостыковках объективного-исторического идеалистического подхода.

XX век ознаменован где-то символической, а где-то и фактической победой диалектического материализма и научного атеизма, стоящих на страже реалистической картины мира. Одним из главных врагов, в революционной борьбе с которым оформляется новая разновидность научного материализма, стано-

вится «обскурантизм». Антиобскурантизм является минимумом всякого материализма. Обскурантизм обозначает противостояние просвещению, т. е. приверженность всему тому, что так или иначе выступает против прогресса и науки. В каждую эпоху можно выделить различные проявления обскурантского мировоззрения, но сегодня в наиболее обобщенном виде обскурантизм подразумевает три проявления: теоцентризм, геоцентризм и антропоцентризм. Примечательно, что все три этих центризма были в определенное историческое время преодолены: теоцентризм был превзойден культурой Возрождения, геоцентризм был повержен Коперником, а антропоцентризм преодолен Чарльзом Дарвином. Тем не менее все они, так или иначе, продолжают и сегодня нести угрозу материализму (или его научным притязаниям).

Возвращение к антропоцентризму в XXI в. довольно симптоматично, поскольку человек действительно, по всей видимости, в очередной раз, подошел к пределу в осмыслении себя, естественной реакцией чего является откат к «слишком человеческому». В тексте «Конец человеческой исключительности» Жан-Мари Шеффер антропоцентрическую установку характеризует так: «...по своей собственно человеческой сущности человек изъят из природного порядка... и обладает статусом, радикально несводимым к статусу всех прочих существ, составляющих известный нам мир» [11, с. 18]. Иными словами, антропоцентризм есть предельный человеческий эгоцентризм. Шеффер выводит четыре катастрофических следствия такой позиции. Принятие тезиса об исключительности человека влечет за собой онтический разрыв (или же принципиальный разрыв между человечностью и животностью), онтологический дуализм (представление о существовании двух независимых друг от друга миров – материального и духовного), гносеоцентризм (утверждение, согласно которому именно познание делает человека человеком) и, наконец, антинатурализм (методологии, принципиально отличающейся от уже существующей в различных естественных науках). Все три лика современного обскурантизма антиматериалистичны, а материалистичным в таком случае является исключительное противостояние сразу всем из них, а не произвольно выбранным. Тем не менее это противодействие обскурантизму со стороны материализма опирается, главным образом, на антидеоцентризм, а значит, и на методологический релятивизм в науке, отстаиваемый позитивистским мышлением, которое через перспективизм Ф. Ницше и возможность построения онтологии тысячи Солнц становится опосредующим звеном в увязывании материализма и постмодерна.

Материализм динамичен и парадоксальным образом может состояться в тот или иной момент как та или иная его разновидность, только будучи гиперкритичным. В первую очередь – по отношению к критической мысли, дисциплинированно полагая пределы ее экспансивным устремлениям, но также и по отношению к предшествующим своим воплощениям. (Интересно, что обе эти линии критики разворачиваются в бергсонизме, переоткрывающем материальное в своем монизме различия как образ [12].) Современный материализм не может не быть самокритичным. Материализм не консервативен, он так или иначе вынужден соответствовать естественно-научному уровню развития знания. Маркс с Энгельсом, как наледники немецкого трансцендентализма, задают тон в этом самокритичном движении материализма, современные же материалисты, такие как Бадью, Джонстон или Мейясу, поддерживают его, настаивая на необходимости постоянного пересмотра основ материалистического понимания действительности. Для материализма не успеть за изменениями и новым добытым знанием в когнитивных науках, археологии, палеонтологии или квантовой физике – фактически значит лишиться возможности, во-первых, иметь теоретическую ценность, а во-вторых, быть воплощенным в практику. «...получается, что если современный реализм хочет быть верным материализму Энгельса, он вынужден быть верным духу этого материализма, но вовсе не его букве» [3, с. 43].

Итак, небольшое погружение в историко-философский дискурс о материализме позволяет выявить три его ключевых характеристики. Материализм в философском смысле оформляется тогда, когда речь идет о противостоянии спиритуализму, идеализму и обскурантизму. На каждом уровне противостояния можно выделить специфическое понятие материализма. Так, материализм если и признает наличие души, то только в качестве начала, неразрывно сопряженного с телом или вообще от него не отличимого. Материализм отсылает к позиции тройной первичности материи: она первична в познании (вещам не предшествуют идеи вещей в платоновском смысле), первична в истории (ей не предшествует никакая предзаданность, в том числе божественный замысел) и, наконец, первична вообще (ей не предшествует ничего, в том числе Бог). И материализм задается пучком своих негативных индексов – это анти-антропо-, гео- и теоцентризм.

Материализм, что опять же парадоксально, с трудом представляется позицией абсолютного утверждения. Какими бы позитивными ни были материалистические тезисы о теле, телесности, мозге и прочих чуждостях современных нейронаук, материализму всегда требуется точка опоры, от которой он смог бы

оттолкнуться. Чтобы это продемонстрировать, достаточно вернуться к фигуре епископа Беркли, который называет себя имматериалистом и никогда – идеалистом. Тот же Дидро формулирует свой материализм, противопоставляя свою позицию идеализму Беркли. А Маркс, основополагая диалектический материализм, пользуется тропом переварачивания, обращая, например, «философию нищеты» в «нищету философии». В этом смысле материалистически ориентированная мысль Делеза и Гваттари, требующая в «Капитализме и шизофрении» преодолеть нигилистический соблазн метафизики нехватки, описывая шизофреническую процессуальность, не может обойтись без детерриторизаций, без образа пустыни [13], продолжающих нести в себе необходимый для материализма заряд негативности. Таким образом, если и нужно как-то определять материальное, вопрошая о материи, то только через повтор или удваивающее письмо [14], определяющееся в качестве материалистического в борьбе с не-материализмом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ленин В. И. Материализм и эмпириокритицизм // Полн. собр. соч. М. : Изд-во полит. лит., 1968. Т. 18. С. 7–384.
2. Bryant L. *Onto-Cartography*. Edinburgh : Edinburgh University Press, 2014. 312 p.
3. Ветушинский А. Во имя материи : критические и метафизические исследования. Пермь : Hyle Press, 2018. 158 с.
4. Латур Б. Извините, вы не могли бы вернуть нам материализм? // Логос. 2014. № 4 (100). С. 265–274.
5. Ламетри Ж. О. Человек-машина // Соч. М. : Мысль, 1983. С. 169–227.
6. Гольбах П. А. Система природы, или О законах мира физического и мира духовного // Избранные произведения : в 2 т. М. : Изд-во соц.-экон. лит., 1963. Т. 1. С. 53–687.
7. Фейербах Л. О спиритуализме и материализме, в особенности в их отношении к свободе воли // Соч. М. : Наука, 1995. Т. 1. С. 323–426.
8. Локк Дж. Опыт о человеческом разумении // Соч. : в 3 т. М. : Мысль, 1985. Т. 1. С. 78–583.
9. Ланге Ф. А. История материализма и критика его значения в настоящее время. М. : Либроком, 2010. 432 с.
10. Пома А. Критическая философия Германа Когена. М. : Академ. проект, 2012. 319 с.
11. Шеффер Ж.-М. Конец человеческой исключительности. М. : Нов. лит. обозрение, 2010. 392 с.
12. Бергсон А. Материя и память // Собр. соч. : в 4 т. М. : Моск. клуб, 1992. Т. 1 : Опыт о непосредственных данных сознания. Материя и память. С. 157–316.
13. Делез Ж., Гваттари Ф. Анти-Эдип : капитализм и шизофрения. Екатеринбург : У-Фактория, 2007. 672 с.
14. Goldhaber D. *Speculative Grammatology. Deconstruction and the New Materialism*. Edinburgh : Edinburgh University Press, 2021. 199 p.

*Воронежский государственный университет
Кириченкова В. И., студент философского отделе-
ния факультета философии и психологии
E-mail: varvarf.kirichenkova@yandex.ru*

*Voronezh State University
Kirichenkova V. I., Student of the Philosophical Depart-
ment of the Faculty of Philosophy and Psychology
E-mail: varvarf.kirichenkova@yandex.ru*

*Литвинов М. Ф., кандидат философских наук, до-
цент кафедры истории философии и культуры
E-mail: litvinov@phipsy.vsu.ru*

*Litvinov M. F., PhD, Associate Professor of the Depart-
ment of History of Philosophy and Culture
E-mail: litvinov@phipsy.vsu.ru*